

Конечная остановка

1.

...В студенческие времена я относилась к ней всяко: то хорошо, то плохо. Причиной были не столько ее недостатки, сколько мои: мне явно не доставало тогда доброты и терпимости...

Мы учились на одном факультете, гуманитарном, и потому преимущественно женском по составу народонаселения. Девичья красота у нас представлена была на все вкусы: от экзотичных до строго классических. Но и в этом цветнике ее нельзя было не заметить. От матери-гречанки ей достались в наследство фиолетово-черные косы. Прямо как у Алкея: "Сапфо фиалкокудрая, с улыбкой нежной"... Длинные, до висков, темные глаза и античная линия профиля делали ее настоящей гречанкой...

Прошло много лет, чуть ли не полсотни, с момента окончания университета и нашей разлуки... Однажды я отправилась на вернисаж в маленькую, но очень славную по ценности меняющихся выставок галерею. Знаменитый художник, бывший одессит, передал галерее для обозрения землякам несколько десятков своих изумительных акварелей. И тут я увидела ее. И сразу узнала! Она стояла в группе лиц, известных в городе, очень даже европейская, сияя улыбкой, сединой непривычно коротких волос и белым воротничком английской блузки. Я была безумно рада видеть ее, полузабытую и такую красивую, вопреки и несмотря на годы! Мне подумалось, что, наверное, старость, как любая иная пора человеческой жизни, эволюционирует по триаде: начало, кульминация, финал. Пик старения, его расцвет — это наш вечер, теплый, с ароматом только-только отшумевшего женского лета!

Мы обнялись...

2.

Оценив по достоинству акварельную ностальгию художника, который ничего не забыл, мы вышли на улицу, только что воспетую им, и побрели, беседуя "за жизнь"... Ее жизнь, говорила она, сложилась вполне. Взлеты и карьерные падения завершились финансовым благополучием. И оно ощущалось в ее неброской элегантности и в той спокойной корректности, с которой держатся люди, не думающие о содержимом своего кошелька,

ибо оно всегда там в наличии... Я помнила, что она рассталась с мужем, и спросила, одна ли она сейчас:

— Да, это так! — и она улыбнулась...

На улице серьезно ведь не говорят о серьезном. А поговорить ей хотелось! Я появилась неожиданно после длинного отсутствия, и вряд ли встреча повторится. Так уж все складывалось! И было, как в поезде, когда два человека, никогда ранее не знавшие друг друга, вдруг мгновенно сближаются в тесном пространстве купе. И ночью, когда за окном темнота и все в вагоне спят, когда оба знают, что на рассвете один неизбежно сойдет на маленькой станции, а другой тут же умчится прочь, тогда и распахиваются люди настежь, говоря о вещах, скрытых подчас от самых близких, а часто и от самих себя...

...Нам захотелось посидеть в кафе на открытом воздухе. Весна в этом году была ранняя, столики уже заняли свои места на тротуарах. Только нужно было, чтобы не гремела дискотека и чтобы не было приложенных к меню (специально для стареющих дам!) юношей с нехорошо взрослыми глазами, которые искренне дивятся вашему удивлению.

Мы нашли очень милое кафе — рядом со знаменитым в нашем городе мостом, на самом краю высокого склона, сбегающего к припортовой улице. Пахло морем, немного нефтью, чуть-чуть кофе и освежающе травой, днем, наверное, скошенной на газоне. Внизу, в порту, ухал работяга-локомотивчик, волнами к нам доносилась музыка с лайнера у причала, далеко на побережье перемигивалось огнями городское предместье.

3.

— После развода, — говорила она, — я долго болела. Жить не хотелось! Но долг перед старыми и малыми людьми, оставшимися мне в наследство, заставил взять себя в руки, и каждый божий день я шагала на работу, которая из-за перемен в стране кормила нас все хуже и нерегулярнее. Чтобы выжить всей семьей, нужно было действовать умно и отчаянно. Я бросила прежнее место и начала искать новое... Немало лет прошло, прежде чем я поднялась! Взрослели дети, умирали родные старики, и не было времени, чтобы остановиться и оглянуться. На себя! А когда дети, слава Богу, стали самостоятельными людьми, и мой собственный статус удовлетворил меня по всем статьям, остановившись и оглянувшись, наконец, я поразилась своему многолетнему полному одиночеству и задалась вопросом: где же он, человек, который мне нужен?! Есть ли он?

...Она закурила. Пусть простят меня поборники бездымной жизни, но сигарета удивительно шла ей. Тонкие пальцы привычно щелкнули зажигалкой, дальний угол губ принял в себя зажженную сигарету, и карий глаз рефлекторно сощурился от табачного дыма...

— Да, — сказала она, — я никогда ничего и никого не боялась в жизни. И никого не любила, кроме, наверное, родных! Друзья? Но те немногие, которые были, состарились раньше меня... Да и не по мне — переиначивать отношения! Настоящая дружба притягательна для меня именно своей внепостельностью, что ли! Наверное, цинично прозвучит то, что я скажу, но, обзрев свое жизненное пространство, я содрогнулась: из умниц-мужчин, по-настоящему интересных мне и равных во возрасту, никто не сохранил подлинно мужского обаяния, а сравнительно молодые люди мужского полу от бессилия интеллектуального казались вообще бестелесными.

Господи! Прости нас, грешных, от души смеявшихся! Сквозь женские слезы, разумеется!

4.

— Я, как ты поняла, поставила крест на своих любовных и matrimo-ниальных грезах... Но однажды поздним вечером раздался телефонный звонок, и мужской голос с полузабытыми интонациями попросил меня к телефону. Я мигом вспомнила, кто это: мой давний коллега по давней преподавательской жизни! И мысленно я вновь увидела его хорошей лепки голову, неожиданно маленькие по-женски ухоженные руки, весь его отутюженный, тщательно продуманный в тон и по моде облик... Великий дамский угодник, он был аккуратистом и педантом в работе: мыслил технически четко, говорил кратко и емко, был безапелляционен в суждениях, любил декларировать свои незыблемые жизненные принципы. К искусству имел, как он считал, прямое отношение: писал подражательные любовные стихи, экономно посвящая один и тот же текст нескольким избранным дамам, каждой — по секрету!

Он был женат (во всяком случае, на моей памяти!), и жена была мно-го старше его... Говорили, что он ей чем-то обязан. Она была мудра и величественно не замечала его любовниц...

Но первое, что он, представившись, сообщил мне по телефону, было грустное признание во вдовстве...

Не встречаясь, мы стали названивать друг другу — все чаще и, к моему удивлению, все интимнее...

5.

...Я прервала ее, извинившись и сказав, что ее телефонные воспоминания и мне напомнили о необходимости позвонить домой, предупредить, что, возможно, появлюсь я очень поздно — сегодня, или ранним утром — завтра...

Взяв такси, мы без помех добрались до ее дома в одном из самых уютных и дорогих кварталов города. Было далеко за полночь. Лифт с мелодичным звоном доставил нас на верхний этаж. Ее квартира была составлена по-современному скупно и казалась грустной из-за громадности пустого пространства. Со стен с кронштейнами для еще отсутствующих полотен лился мягкий свет из ламп, спрятанных по горизонталям. Она готовилась разместить тут свою коллекцию живописи...

Огромный холл с единственным слоноподобным креслом аркой соединялся с обширной, в электроплитах, кухней. И только балкон, протянувшийся во всю длину наружной стены, был обжит: с шезлонгами, пледами, журнальными столиками и баром, который немедленно был распахнут, — и вот уже я беру из ее рук бокал с глотком коньяка на самом дне...

Светляками смотрелись далеко внизу белые кисти каштанов, не знаю, ароматом каких цветов напоен был воздух, невидимое море плескалось где-то совсем рядом... Она говорила:

— И я уже не могла жить без его телефонных звонков! Все, что случилось утром и днем, что привиделось мне ночью, странно для себя, стала пересказывать ему вечером, и мне казалось, что он мыслит и чувствует, как я... Я поражалась, почему в прошлом я не угадала его, и долгих тридцать лет понадобилось мне, чтобы оценить по достоинству и его такт, и душевную тонкость. Я убеждала себя, что далеко не всегда люди с годами меняются к худшему. Разумеется, в какой-то из вечеров мне захотелось личной встречи, и я стала мысленно готовиться к ней. Я признала факт чудовищной недолюбленности, имевшей, как говорится, место быть в моей жизни. И сама я, каюсь, во многом была здесь повинна! Ибо гордость собственной силой была во мне безмерной, как и страх потерять личностную свободу... Я никогда не прощала ни бывшему мужу, ни кратковременному другу, ни возможному возлюбленному малейшей шероховатости в общении с собою. И если они уступали мне, что бывало постоянно, я презирала их за мягкость и не скрывала этого! В итоге я обрела возможность делать все, что считала нужным. Но это была свобода абсолютно одинокой женщины!.. И оказалось, что от нее тоже можно устать. И за-

хотеть быть трогательно слабой! И затосковать по защите. Знаешь, я так устала побеждать, что теперь согласна была уступить без боя...

...Нервно закуривая, она тут же тушила сигарету. И чем быстрее она говорила, тем яростнее бросалась из одного угла балкона в другой, удивляя совсем молодой силой своих жестов.

— С трепетом, — продолжала она, — шла я на встречу, которая, верилось мне, должна была изменить всю мою жизнь...

...Дверь мне открыл совсем дряхлый человек. Его лицо не могло быть лицом того умного и сильного человека, которого я знала, потом забыла, а затем вновь вообразила себе. Но это было его лицо!!

Потрясенно прошла я мимо него, молча сняла шарф и расстегнула пальто, покорно дала прикоснуться к себе дрожащими в Паркинсоне руками и рванулась обратно, на волю!..

...Заплакала я только в автобусе, который подхватил меня с проезжей части дороги. Покорно взобравшись по неожиданно оказавшейся рядом лесенке, я опустилась на сидение, где кто-то уже разместился у окна. Наверное, я плакала так горько, так безнадежно, что к лицу моему вдруг протянулась рука, и чье-то дружеское плечо придвинулось, чтобы мне уткнуться в него и забыться... А потом я вышла там, где все, — на конечной остановке!..

...Она замолчала. Молчала и я. Мир вокруг был так же бесшумен и тих. И вдруг она наклонилась ко мне, зорко взглянула в лицо и — улыбнулась!..

